

ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ

ЧУВСТВ

Читайте остросюжетные

психологические романы

Ирины **ГРИН**

в серии «Переплетение чувств»:

Нарушенная заповедь

Стать смыслом его жизни

Бог счастливого случая

Эффект прозрачных стен

Сквозь аметистовые очки

ИРИНА ГРИН

СКВОЗЬ
АМЕТИСТОВЫЕ
ОЧКИ

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г85

Оформление серии *С. Курбатова*

Редактор серии *А. Антонова*

Грин, Ирина.

Г85 Сквозь аметистовые очки / Ирина Грин. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-103820-5

Наконец-то Иван Рыбак и Ася Субботина — сотрудники детективно-консалтингового агентства «Кайрос» — решили пожениться! Но накануне свадьбы невеста бесследно исчезла... Неужели разлюбила Ивана? Нашла жениха побогаче? Или попала в беду?

Оказалось, Асю похитил человек, у которого среди бела дня на шумном курорте исчезла жена. Отчаявшись получить помощь официальным путем, он пошел на чудовищный шантаж, чтобы заставить частного детектива поскорее найти его Альбину.

Вместо свадебного путешествия Иван отправляется на поиски — и Аси, и пропавшей художницы, пишущей очень странные картины...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Грин И., 2019
© Оформление.

ISBN 978-5-04-103820-5

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Пролог

Заезжая во двор, Еремин понял, что жены дома нет: квартира смотрела на него черными прямоугольниками окон. В принципе ничего удивительного в этом не было. Если любимое занятие твоей жены — бродить пешком по городу, наматывая порой километров по двадцать-тридцать, поздние возвращения неизбежны. Но за зиму Еремин от этого немного поотвык. Несмотря на очень теплую, хоть и абсолютно невзрачную парку и сапоги на высокой подошве с хорошим протектором, по двадцатиградусному морозу много не нагуляешь. Разве что по магазинам. Но сегодня на улице так явственно запахло весной, что Альбина наверняка решила наверстать дни вынужденного «простоя». И даже разыгравшаяся к вечеру метель ей не помеха.

Еремин зашел в лифт, встретившись глазами с собственным отражением в его зеркальной стене. Читал, что при этом нужно похвалить себя, любимого. Но хвалить было не за что. Еремин и в юности был неспортивным, а с годами эта неспортивность никуда не делась и даже, наоборот, усугубилась благодаря приобретенному жизненному «багажу» в виде пары десятков лишних килограммов. Другое дело — Альбина. Казалось бы, от постоянного бродяжничества

ства должна быть похожа на бомжиху с почерневшим, обветренным лицом, так нет же. Снять с нее «бабушкин» свитер, одеть в нормальное платье — и хоть на подиум. Не потому, что слишком худая, а потому, что красивая. Даже чересчур красивая. Красотой хрупкой, неброской, но берущей за душу, таинственной. Одним словом, той, что надо, красотой.

У Еремина еще оставалась надежда, что Альбина заснула, дожидаясь его. Сейчас он откроет дверь и вдохнет запах настоящей домашней еды. Потом будет мыть руки и рассказывать о том, как прошел день. А на кухонном столе уже накрыт ужин. Отбивная, картошечка с зеленью. Что там еще у нормальных людей бывает?

— Альбина? — позвал Еремин, входя в квартиру. Подождал пару минут и понял, что как у нормальных людей не будет — раз уж его угораздило выбрать в спутницы женщину ненормальную. Со всеми вытекающими последствиями.

Клацнув кнопкой чайника, он заглянул в холодильник, смастерил бутерброд, налил здоровенную чашку чая и устроился на диване у телевизора в ожидании жены.

Наверное, он немного задремал, потому что не слышал, как хлопнула дверь, и в комнату ворвалась Альбина.

— Мне срочно нужно на Домбай, — заявила она.

Резкий переход от сна к бодрствованию замедлил мыслительные процессы в ереминской голове, и оттого он сразу не понял, о чем идет речь.

— Домбай? — Он решил, что это какой-то новый торговый центр. Но почему срочно? И почему Аль-

бина не может съездить туда сама? Вопросы роились в голове, один заковыристее другого. — Слушай, там такая метель на улице. Давай завтра?

— Конечно, завтра, — подтвердила она. — Я все уже узнала. Самолет на Минводы в двенадцать тридцать. Там можно взять машину напрокат или такси...

Какой самолет? Какие Минводы? Какая машина напрокат? Откуда такое странное желание? Он знал, что жена сумасшедшая, но не до такой же степени. Или это весеннее обострение? За те пять лет, что они знакомы, Альбина ни разу не покидала пределы Москвы. И вдруг — Домбай. Надо же!

— Подожди. Домбай — это же где-то на Кавказе? Горнолыжный курорт? — спросил Еремин.

— Ну да, — Альбина кивнула, — он.

— И ты собираешься туда поехать? — уточнил Еремин.

— Ну да, — повторила Альбина и снова кивнула. — Завтра.

— Завтра?

— Я же сказала, — терпеливым тоном заявила Альбина. — Мне срочно нужно на Домбай.

— Ты хочешь кататься на лыжах? Не замечал раньше за тобой любви к этому виду спорта. Слушай, такие вещи надо планировать заранее! У меня же работа. Чтобы покататься на лыжах, вовсе не обязательно далеко ездить. Тем более — лететь. Ивкин недавно ездил с семьей куда-то по Дмитровскому шоссе. Там отличные лыжные трассы, подъемники. Давай в субботу махнем? А на твой Домбай... — Еремин подошел к жене, успокаивающе обнял ее за плечи, заглянул в глаза, зеленые, немного кошачьи, — давай поедем

на майские. Закончится сезон, уедут лыжники, зацветут альпийские луга. Будет теплее, лучше, дешевле, в конце концов.

— Дешевле... — прошипела Альбина, сбросила его руки со своих плеч, резко развернулась, хлестнула обиженным взглядом и бросилась в спальню. — Можешь ехать когда захочешь, а я еду завтра!

— Да я вообще никогда не хочу, — пробормотал себе под нос Еремин. К активному отдыху он был абсолютно равнодушен. Конечно, зависал порой над отфотошопленными фотографиями и роликами, выложенными в Интернете отважными горнолыжниками. Смотрел фильмы, снятые в горных «декорациях». Но всё — только дома. На диване. С бокалом вина или бутылкой пива — это как карта ляжет.

Он стоял в дверях спальни и смотрел, как жена нервно кидает в дорожную сумку свои вещи — объемные свитера ручной вязки, футболки, штаны. Зачем так много? Жить она там, что ли, собирается?

— Зачем? Объясни, зачем тебе нужно туда ехать?

Альбина оставила в покое одежду, выпрямилась и с вызовом посмотрела на Еремина.

— Ну, например, за вдохновением — я же художник.

— Художник... — медленно произнес он. — Знаешь, про вдохновение свое — это не ко мне. Это к Умуту.

Умут Кылыч, турецкий отельер, был большим почитателем картин Альбины. И, как подозревал Еремин, не только картин, но и художницы.

— Не волнуйся, если ты не поедешь, обращусь к нему. Думаю, он не откажет... — Она снова принялась собирать сумку.

Еремин смотрел на агрессивную спину Альбины. Чокнутая. Она точно чокнутая. Но он не может без нее. Не может, и все.

И следующим утром Еремин с женой уже сидели во Внуково в ожидании рейса на Минеральные Воды. Рейс все откладывался и откладывался, и с каждым новым объявлением о задержке в душе у Еремина росло и крепло чувство, что в какой-то момент Альбине все это надоест. Но жена молчала, и он решил ее немного поугаать.

— Знаешь, Альбина, у меня какое-то странное предчувствие. Помнишь, мы смотрели фильм... — Он задумался, роясь в памяти в поисках названия, но так и не нашел ничего подходящего. — Там парень выскочил из самолета, а самолет возьми и разбейся. Так и я. Чувствую, что ничего хорошего из этого полета не выйдет.

Ответный взгляд Альбины предложил Еремину заткнуть свои чувства куда подальше. С ней вообще происходило что-то непонятное. Какая-то нервная, наэлектризованная. И потом: почему вместо тихих, абсолютно безобидных, к тому же невероятно бюджетных прогулок по Москве ее вдруг понесло в горы? Главное, предлог какой нашла — вдохновение искать! Надо же такое придумать! Не иначе как новая психотерапевтша ее накрутила. Надо будет, когда они вернутся, разобраться с этой дамочкой, подумал Еремин и тут же мысленно хмыкнул: *если*, конечно, они вернутся.

Когда посадку наконец объявили, Еремин уже категорически не хотел лететь. Но даже если он откажется, танк по имени Альбина с намеченного курса не свернет. А отпустить ее одну он не мог. Хотя бы из-за дурацкого предчувствия, терзавшего душу.

Самолет набирал высоту, и Альбину вроде немного отпустило. Видно, поняла, что при любом раскладе на Домбай они попадут. Похлопала Еремина по руке.

— Ну, как твои предчувствия?

Он пожал плечами.

— Не бойсь, — криво усмехнулась она. — Я читала, если с самолетом что-то случается, люди умирают, не успев долететь до земли. Так что больно не будет.

Молодая девушка, сидевшая с ними третьей, вцепилась пальцами в подлокотник.

— Извините, пожалуйста, моя жена немного не в себе, — счел нужным пояснить Еремин.

Девушка ничего не ответила, но как только смолкли аплодисменты, сопровождающие посадку, и погасла табличка «Пристегните ремни», молниеносно схватила с верхней полки довольно упитанный рюкзачок и в числе первых рванула к выходу.

К тому моменту, как они на такси добрались до гостиницы, забронированной Альбиной на «Букинге», Еремин был уже окончательно измотан и желал только одного — поскорее добраться до кровати. Альбину же, казалось, переполняли веселье и энергия. Откровенно флиртвала с парнем на ресепшене, требуя от него ответы на какие-то идиотские вопросы, которые якобы просила задать ее московская подруга. Еремин-то знал, что никаких подруг у Альбины в Москве нет и никогда не было. Потом

спросила, где здесь вечером можно вкусно поесть, и стала требовать непременно отправиться туда сейчас же, а когда Еремин отказался, вообще понесла что-то несусветное — что, мол, она пожалуется на него в полицию.

— Может, все-таки прогуляемся? — предложила Альбина, когда они наконец попали в свой номер — вопреки ожиданию, довольно приличный: большая кровать, вместительный шкаф, черный прямоугольник современного телевизора на стене, халаты, тапочки, чистая ванная комната и куча всяких умывальных прибабасов на полочке под зеркалом.

— Опомнись, ночь на дворе!

Тут Еремин покривил душой. Часы на мобильном показывали начало восьмого. Солнце уже село, но улицы освещали мириады разноцветных огней, а где-то слева взрывали небо всполохи фейерверков — гуляла веселая компания. Двойной стеклопакет не впускал звуки в комнату, но и так было ясно — жизнь вокруг бьет ключом. Еремин почти физически ощутил, как этот ключ с размахом опускается на его практически лысую голову. Наверное, он уже слишком стар для таких забав. Альбина же... Кошка, гуляющая сама по себе. Вот кто его любимая жена! Более чем четкое определение сущности женщины, стоящей сейчас у окна и жадно впитывающей атмосферу чужого праздника.

Утром Альбина вскочила ни свет ни заря и поспешно начала собираться.

— Ты куда? — недовольно спросил Еремин, разбуженный не вовремя, а потому злой.

— Узнаю насчет завтрака. И кофе хочется.

— Подожди, вместе пойдем, — сказал он не терпящим возражений голосом.

И жена отступила. Села в кресло и лишь молча подгоняла его взглядом, словно нерадивого раба на плантации. Он наскоро принял душ, порезался, когда брился, и, не найдя, чем заклеить ранку, оторвал клочок бумаги от гостиничной памятки постояльцам.

Разумеется, гостиница еще спала. Правда, в кафе на первом этаже горел свет и позвякивали посудой, но Альбина потянула Еремина на улицу. Поселок приветствовал их бодрящим морозцем и редким снежком, смачно хрустящим под ногами: хрум-хрум, хрум-хрум. Словно кто-то за спиной ел ядреную квашеную капусту, загребая ее рукой прямо из бочки. По улице уже сновали разноцветные лыжники. На фоне их ярких курток и комбинезонов Альбина в парке мышиноного цвета казалась инородным элементом, никак не желающим вписываться в окружающий мир. Многочисленные уличные торговцы расчехляли свои прилавки, сметая насыпавший за ночь снег. Откуда-то потянуло кофе, и Еремины, не сговариваясь, пошли на манящий запах.

В крошечном кафе был всего один стол. Зато очень длинный. На деревянных лавках, протянувшихся вдоль него, при желании могло разместиться человек эдак двадцать. Но сейчас посетителей было только двое — Еремин и Альбина. Кофе оказался крепким и вкусным, а хычин — тонкая лепешка с мясом прямо со сковородки — слегка примирил Еремина с Домбаем. Обжигаясь, он отрывал зубами куски от хычина и насмешливо поглядывал на Альбину, опасливо дующую на слишком горячую начинку.

Пока они завтракали, подъемники заработали, и радостно гомонящие толпы хлынули к станции канатки. Альбина не спеша брела по дороге, всматриваясь в лица спешащих людей. Будто сканировала, чтобы изобразить впоследствии на картине. Изучала хэнд-мейд на прилавках сувенирных ларьков. Мерила шапочки и варежки, просила Еремина сфотографировать ее, радостно смеялась в камеру телефона. Одну из шапочек, в виде розового кролика с большими розовыми же ушами, Еремин купил и, несмотря на Альбинины протесты, тут же нахлобучил ей на голову. То ли от тепла, то ли от удовольствия, то ли от мороза, а может, и от всего, вместе взятого, обычно бледные в голубизну щеки Альбины покраснелись. Со стороны могло показаться, что она бесконечно счастлива. Но Еремин чувствовал, что это не так.

В одной из лавок он увидел большой плакат с изображением панорамы Домбая. Единственный раз Еремин видел горы вблизи в студенческой юности, когда путешествовал с друзьями по Крыму. Крымские горы запомнились величественными и спокойными. На плакате же он увидел сплошное нагромождение пиков. Каждый пик был подписан. Названия заковыристые, и Еремин запомнил одно — Белала-Кая. Самый высокий острый клык. Запомнил потому, что напомним крымские походы: горы Ильяс-Кая, Куш-Кая.

— Давай поднимемся на первую очередь. Я читала, там можно взять инструктора и попробовать покататься на лыжах.

— Ну нет! Только через мой труп! Гулять — гуляй себе на здоровье, а кататься... — возмутился Еремин.

Но билеты купил, причем сразу на три станции — так было дешевле.

До второй станции они добирались в восьмиместном вагончике. Альбина, затаив дыхание, впитывала открывающийся из заднего окна вид: долина и крошечный городок в огромной пасти великана, ощерившейся острыми клыками. Внимание же Еремина привлекло совсем другое. На трассе он увидел двух лыжников, медленно спускающихся один за другим, а между ними, на скользящих по снегу носилках, лежал уже не лыжник. Завернутый в одеяло, с шеей, упакованной в специальный воротник, похоже, человек не скоро снова встанет не только на лыжи, но и на ноги. Жалко, что Альбина, увлеченная созерцанием панорамы гор, этого не видела. Может, выкинула бы из головы блажь про инструктора.

Станция шумела и бурлила. Еремин с радостью отметил, что не одни они здесь без лыж. Толпы и отдельные личности слонялись, периодически щелкая фотоаппаратами разной степени навороченности или просто телефонами. Еремину вспомнился рассказ одного приятеля о своей поездке в Гриндевальд.

— Ты умеешь кататься на горных лыжах? — спросил тогда Еремин.

— А что тут уметь? Наливай да пей.

Накатить бы не мешало, задумчиво поскреб подбородок Еремин. Наткнулся на заплатку из гостиничного «дацзыбао», отодрал и выбросил в снег.

— Ну, едем дальше?

До следующей станции они добирались на кресельном подъемнике — скамье, рассчитанной на шесть человек. Сиденье, казалось, было сделано из

куска льда, и Еремин просто мечтал о той минуте, когда они наконец спустятся с небес на землю, найдут какой-нибудь уютный ресторанчик и отдадут должное местной кухне и горячительным напиткам.

Кресло канатки скользило совсем низко над землей, и когда зависало над лыжной трассой, казалось, будто скользящие по склону лыжники запросто могут палкой достать сидящих и раскидать в разные стороны, как мяч раскидывает кегли в боулинге. Но лыжники были людьми адекватными. Хотя и не все. Некоторые — по мнению Еремина, абсолютно безбашенные — умудрились привезти с собой совсем маленьких детей. Те еще на собственных ногах держались не совсем уверенно, не говоря уж о лыжах.

Следующая станция встретила их очередными лотками торговцев сувенирами, многочисленными ресторанчиками, приклеившимися к горам, словно ласточкины гнезда, и праздношатающимися курортниками.

У одной из лавок толпился народ. Еремин от нечего делать подошел ближе и оказался в центре дегустации местных вин. «А почему бы, собственно, и нет», — подумал он, принимая из рук улыбающейся продавщицы пластиковый стаканчик. Поискал глазами своего розового кролика: вон они, ушки, совсем рядом.

Солнце припекало, снег искрился, заставляя жмуриться. Какие-то девчонки, сбросив одежду, фотографировались в купальниках. Белые, незагорелые тела, едва прикрытые пестрыми полосками ткани, заснеженные клыки Домбая, яркое солнце — фотографии должны были получиться запоминающимися.